

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

УШЕДШИЕ ВОСТОКОВЕДЫ

В 2002 году наконец-то выходит юбилейный, десятый, альманах «Петербургское Востоковедение». С выпуска этого альманаха собственно и началось издательство, организованное в 1992 году компанией молодых ученых (директор издательства — китаист И. А. Алимов, два кореиста — С. Н. Сухачев и А. Н. Ланьков, географ Д. А. Ильин) и названное не без умысла Центром «Петербургское Востоковедение».

Почему Центр? Потому что издатели с самого начала хотели видеть себя неким объединяющим и связующим звеном.

Почему «Петербургское»? Потому что российское востоковедение зародилось именно в Петербурге — с основанием в городе в 1818 году Азиатского музея.

И уж, безусловно, понятно, почему «Востоковедение» — такова была научная специализация учредителей издательства. Понимая важность оперативной публикации научных трудов, молодые издатели начали свою деятельность с выпуска научной периодики.

Идея периодического востоковедного альманаха получила большую поддержку в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Российской Академии наук. С собирания статей в альманах, с работы над ними началось мое знакомство с востоковедами «с берегов Невы».

Незаметно минуло десять лет.

Десять лет побед и приобретений.

Десять лет потерь.

Меня угнетает количество некрологов, помещенных в десятом выпуске альманаха «Петербургское Востоковедение». Но я счастлива тем, что в моей жизни были эти замечательные люди.

Марианна Ивановна Никитина

Как с ней было легко работать! Марианна Ивановна понимала работу как средоточие бытия. Она была замечательный организатор науки: мы издали вместе с ней четыре выпуска «Вестника Центра корейского языка и культуры». Она была замечательный трудолюбец: ее книга «Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его "спутники" в ритуальной традиции Древней Кореи и соседних стран» (СПб., 2001. 556 с.) — образцовый opus для последующих поколений кореистов.

Увлеченность наукой, доброжелательность, теплое ощущение сотрудничества, понимаемого как совместный и созидательный труд, — все эти качества составляли суть натуры Марианны Ивановны. Теперь, когда ее нет, возобновить их невозможно. Но остаются книги и ученики, а значит и сама Марианна Ивановна.

Изольда Эмильевна Циперович

Я бережно храню избранные корректуры книги «Жемчужная рубашка: старинные китайские повести» (СПб., 1999. 688 с.) и периодически показываю их новоначальным авторам.

Казалось бы, переиздать вышедшие ранее китайские повести, подготовить очередное их художественное (не научное!) издание — дело нехитрое. Однако Изольда Эмильевна подошла к новому изданию с присущей ей добросовестностью (так и хочется сказать — с научным занудством; сама бы она отыскала словечко еще заковыристей!). Чистых страниц в распечатке, которую читала Изольда Эмильевна, попросту нет. На каждой из них твердым (несмотря на почтенные лета автора) почерком сделаны многоразличные поправки, потому что текст перевода сверялся с оригиналом наново. Только в корректурах Циперович я видела листы, с трех сторон пополненные наклейками изменений и исправлений: эти *addenda et corrigenda* откидывались и влево, и вправо, и вниз, и по откидывании являли собой нечто страшнолюдное. Мы слабели, глядя на корректуры, но Изольда Эмильевна говорила: «Если я в моем возрасте сумела это поправить, вы в вашем — точно справитесь». И точно, мы справились, и книжка получилась во многих отношениях образцовая.

Насмешливость и неприменная язвительность И. Э. Циперович вошли в пословицу, но едва ли на них стоило обижаться, потому что все ее замечания обычно были сугубо по делу.

А дело Изольда Эмильевна ставила высоко. Болея и тяжело недугуя, она все время работала. Непременным долгом почитая обязанности ученика по отношению к учителю, она подготовила к изданию письма академика В. М. Алексеева к выдающимся французским ученым Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио (СПб., 1998). Это издание — живое свидетельство преемственности научного знания, благодарное поминовение учителя, укоренение в науке высоких норм «ли», свойственных благородному китайскому книжнику. Покуда есть такие учителя и такие ученики, российская наука будет процветать в изобилии знаний.

Владимир Вячеславович Полосин

Я ищу особенные слова, но вновь пишу об удивительном трудолюбии — похоже, лучшие представители петербургского востоковедения впитывают это качество с младых ногтей и не изменяют ему далее никогда. Сколько я помню Владимира Вячеславовича, он непрерывно работал: над описанием рукописей, над переводами, над составлением словаря поэтов племени 'Абс. Мы с удовольствием и охотой печатали статьи Владимира Вячеславовича, думали о книге (издание факсимиле в серии «Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия»), и казалось, что и статей, и книг будет впереди еще много...

Владимир Вячеславович был углублен в свои изыскания, он жил в них и ими. Это было чистое служение науке, пример жизни духа.

Владимир Вячеславович был добр — и к людям, и к книгам. Его человеческая доброта, чистота души и помыслов до сих пор являются составляющей удивительной атмосферы Арабского кабинета Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук, атмосферы благородного и щедрого знания, открытого городу и миру.

Владимир Васильевич Кушев

Научное знание может добываться для себя, а может добываться для других. Владимир Васильевич Кушев был из тех ученых, что воспринимают науку как общее дело. Признанный специалист-лингвист по Ирану и

Афганистану, он никогда не отказывал в совете. Если у нас как у издателей возникал какой-нибудь вопрос в области научной компетенции Владимира Васильевича, мы всегда знали, куда идти за консультацией.

Сотрудничество наше с В. В. Кушевым было давним и обширным: от статей в альманахе «Петербургское Востоковедение» до совместной работы над ежегодником «Страны и народы Востока», выпуск XXX (СПб., 1998), в издании которого В. В. Кушев принял всемерное участие в качестве одного из соредакторов. В 2003 году в серии «Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия» выйдет подготовленная В. В. Кушевым книга «Гульшан-и афган», с изданием которой после смерти Владимира Васильевича нам помогал его ученик М. С. Пелевин.

Хорошо, когда есть такие учителя, у которых столь многому можно научиться! И не только в науке, но и в обыденной жизни: удивительная и редкая деликатность, душевная тонкость Владимира Васильевича продолжают отличать его от других людей и теперь. Иные образцы — не превзойти.

Анас Бакиевич Халидов

В 1998 году в серии «Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия» вышла книга «Китаб ал-Аврак ас-Сули». Работу над ней в свое время начал В. И. Беляев, но завершить не успел. Критический текст арабской рукописи подготовил к изданию Анас Бакиевич Халидов, он же написал предисловие, выверил перевод, сделал примечания и составил указатели.

Это была одна из самых трудных книг нашего издательства. Впервые мы столкнулись с критическим изданием арабского текста: весь корпус книги (и основной текст, и примечания, и разночтения) набирался в арабской графике. Дванадцать мытарств вынесли все, кто делал «книгу сию», — под строгим присмотром А. Б. Халидова. Когда ему надоедало наше несуетное трудолюбивое пыхтение, он непременно иронизировал над издателем, который не торопится с выпуском книги. А мы непременно отшучивались, что нас всецело увлек процесс макетирования и внесения правок в арабский текст.

Корректуры Анаса Бакиевича я тоже храню. Правда, в арабице я ничего не понимаю, но скрупулезность правки завораживает. Я храню эти корректуры, чтобы при случае показать их новым поколениям арабистов. Потому что ничто так не вдохновляет, как живой пример: жизнь, отданная науке. И, разумеется, я отнюдь не имею в виду тех, кто станет спрашивать, для чего посвящать науке целую жизнь, но — лишь тех, кому можно будет показать труды предшественников и в ком эти труды отзовутся.

А еще у Анаса Бакиевича была удивительно располагающая улыбка, и что-то в ней было бесконечно юное и задорное. Улыбку я вспоминаю прежде всего. И не одна я.

Владислав Никанорович Горегляд

Общение с многими учеными-востоковедами было творческим и радостным, но с Владиславом Никаноровичем было еще и светло. Это особенный свет, возникающий только в Благородной Личности и ей одной присущий. Личности этой — хотелось сопричастствовать. Человеку этому —

хотелось улыбаться бесконечно, потому что в его присутствии отступала «невыносимая легкость бытия».

Сколько я помню, мы всегда обсуждали новые статьи, новые переводы, новые книги. С книги Горегляда мы начинали: в 1994 году выпустили перевод «Дневника эфемерной жизни» японской аристократки X века, известной как Митицуна-но хаха. Его книгами мы продолжали: в 1997 году вышла книга «Японская литература VIII—XVI вв.: начало и развитие традиций» (2-е изд.: СПб., 2000. 416 с.). Над его книгами мы собирались работать дальше.

С Гореглядом все казалось возможным и достижимым. Владислав Никанорович умел незаметно брать на себя и ответственность, и решение сложных вопросов, и дополнительную работу, и чужие сомнения. С ним было легко совместно трудиться, потому что вокруг него всегда было осязаемое облако дружелюбия. Тот самый свет, что не просто отличает и выделяет, но сияет и освещает. Без Владислава Никаноровича тяжело особенно, и я стараюсь думать, что он нынче просто работает дома, а в институт придет на днях, на той неделе, в следующем месяце...

Ушедшие востоковеды — подвижники науки, замечательные люди — они ведь по-прежнему с нами, пока мы помним и любим их.

О. И Трофимова
главный редактор издательства
«Петербургское Востоковедение»